

У ИСТОКОВ РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА (А. С. ШИШКОВ, Ф. В. РОСТОПЧИН И Н. М. КАРАМЗИН)**

В статье анализируется генезис русского консерватизма. В центре внимания автора находятся концепции его отцов-основателей — А. С. Шишкова, Ф. В. Ростопчина и Н. М. Карамзина. Рассматриваются их социально-политические и культурно-философские воззрения.

Ключевые слова: консерватизм, монархия, православие, церковь, традиционализм, реформы.

A. Ya. Kozhurin

At the root of Russian conservatism

(A. S. Shishkov, F. V. Rostopchin and N. M. Karamzin)

The article examines the genesis of Russian conservatism. The author focuses on the concepts of its founding fathers — A. S. Shishkov, F. V. Rostopchin and N. M. Karamzin. The article considers their socio-political and culturological views.

Keywords: conservatism, monarch, Orthodox, church, traditionalism, reforms.

Чтобы выявить специфику какого-либо явления необходимо обратиться к его истокам, выявить генезис. Это в полной мере относимо к такому феномену, как русский консерватизм. В данной статье мы рассмотрим воззрения трех отцов-основателей отечественного консерватизма, к которым большинство исследователей относят Александра Семеновича Шишкова (1754–1841), графа Федора Васильевича Ростопчина (1765–1826) и Николая Михайловича Карамзина (1766–1826). Разумеется, этими тремя именами не исчерпывается список русских консерваторов первой волны. К ним также могут быть отнесены С. Н. Глинка, Г. Р. Державин, П. А. Кикин, И. А. Крылов, Е. И. Станевич,

* Кожурин Антон Яковлевич — доктор философских наук, профессор кафедры философии РГПУ им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, ankogyurin@rambler.ru.

** Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-33-11190 «Роль политических идеологий в истории России и проблема национально-государственной безопасности».

князь С. А. Ширинский-Шихматов и др. Но мы ограничимся лишь тремя именами, ибо это были наиболее интересные и влиятельные представители консервативного лагеря, создававшие его концептуальную базу. В данной связи необходимо отметить точки схождения-расхождения между воззрениями этих деятелей, обнаружить идейные источники их концепций, а также выявить влияние на них духа времени.

Начнем с последнего — духа времени. Большинство исследователей рассматривает европейский консерватизм, как идейную реакцию на Великую французскую революцию. Именно отсюда ведут свою генеалогию две основные линии западноевропейского консерватизма XIX века — либеральная (Э. Берк) и традиционалистская (Ж. де Местр, Л. де Бональд). С. С. Аверинцев писал, что «самый феномен проведенного через рефлексию, претворенного в идеологию или антиидеологию воинствующего консерватизма... без опыта Революции невозможен. В дореволюционной Франции, в дореволюционной Европе голоса энциклопедистов и Руссо звучали, вызывая время от времени бессильные полицейские меры или столь же бессильные нападки, но никем или почти никем по существу не оспариваемые. Лишь по эту сторону черты раз и навсегда проведенной 1789, 1793 и 1794 годами, оказался возможен содержательный спор между идеологией и — антиидеологией, между утопией — и антиутопией. Это спор, все новые глубины которого непрерывно разverzаются, составляя драматическую интригу умственной жизни в продолжение последних двух веков, — и конца ему не видно. Для удобства злободневной полемики Революция предпочитала видеть в своих оппонентах людей вчерашнего дня. С гораздо большим правом она могла бы, напротив, утверждать, что сама заново создала своих оппонентов, разбудила их, вывела из исторической инерции, принудила их привести в порядок свои резоны» [1, с. 185].

Данная точка зрения вполне уместна и при исследовании генезиса русского консерватизма. Действительно, все интересующие нас персонажи были яростными оппонентами идей Французской революции. Но в нашем случае необходимо учитывать еще одно важное обстоятельство, которое не могло не наложить отпечаток на воззрения отечественных консерваторов. Речь идет о петровских реформах. Вспомним, что, несмотря на апологетическую оценку этих реформ, характерную для большинства русских авторов XVIII столетия (вспомним сравнение Петра с Богом в произведениях М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, Г. Р. Державина), в последние десятилетия этого века в их адрес начинают звучать и критические оценки. Достаточно упомянуть знаменитое сочинение князя М. М. Щербатова «О повреждении нравов в России», а также пассажи из «Записок» княгини Е. Р. Дашковой, в которых Екатерине II отдается явное предпочтение перед Петром I (в следующем столетии данной точки зрения будет придерживаться Н. М. Карамзин и такой его убежденный последователь, как «либеральный консерватор» князь П. А. Вяземский). В петровских реформах увидели нечто, подобное революции, а самого царя уже в XIX веке станут уподоблять якобинцам. В следующем же столетии Петра, за большей актуальностью, будут сравнивать с большевиками.

Первые годы правления Александра I, воспитанного на идеалах Просвещения и отдававшего предпочтение республике перед монархией, ознаменовались

изменениями в разных областях жизни. Показательно, что интимный круг императора, фактически управлявший Россией в начале XIX века, назывался его участниками «Комитетом общественного спасения». Параллель с одноименным органом времен Французской революции, возглавляемым М. Робеспьером, была очевидна. Более того, — ею откровенно бравировали. Молодое окружение императора подвергало резкой критике все отечественные законы и обычаи, объявляло их устарелыми, невежественными. Впрочем, юношеская бравада у молодого Александра Павловича достаточно быстро сменилась стремлением осчастливить свою страну целой серией радикальных реформ. Наиболее значимые из них, призванные внести конституционные элементы в государственное устройство России традиционно связываются с именем М. М. Сперанского. В сознании современников именно его деятельность знаменовала новые веяния во внутренней политике империи.

Впрочем, «дней Александровых прекрасное начало» было таковым далеко не для всех современников. Например, Ф. В. Ростопчин и А. С. Шишков, занимавшие видные посты в предыдущее царствование, в новой ситуации оказались не у дел. Но они не стали сидеть, сложа руки. В качестве альтернативы официальному правительственному курсу начинает оформляться «русская партия» или партия «старых русских». Выявляя истоки отечественного консерватизма, необходимо назвать два главных организационных центра этой «партии». Первым из них стала знаменитая «Беседа любителей русского слова», организованная в 1807 году вице-адмиралом А. С. Шишковым и Г. Р. Державиным. Среди членов «Беседы» мы видим А. С. и Д. И. Хвостовых, И. С. Захарова, адъютанта императора П. А. Кикина, И. А. Крылова и других видных деятелей этой эпохи. Еще одним средоточием недовольных стал тверской салон великой княгини Екатерины Павловны. Желанными гостями этого салона были Ф. В. Ростопчин и Н. М. Карамзин. Любимая сестра императора, «тверская полубогиня», способствовала налаживанию контактов между своим августейшим братом и отцами-основателями русского консерватизма. Эти меры способствовали идейной и организационной мобилизации русского общества в преддверии решающей схватки с силами объединенной под властью Наполеона Европы.

Как это часто у нас бывает, реформы Александра I свелись к административному упорядочению существующего режима, усилению бюрократии. Исполнено глубокого смысла то обстоятельство, что первая серьезная критика реформационной деятельности Сперанского и его венценосного патрона прозвучала «справа». Этим критиком оказался человек, которого можно назвать одним из основоположников консервативного направления в русской общественной мысли. Речь идет о Н. М. Карамзине и его знаменитой «Записке о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях», созданной в 1811 году. В ней великий историк подверг резкой критике всю внутреннюю и внешнюю политику Александра I, доказывая, что просвещение народа важнее административной «стройности», к которой реально и сводились реформы. «Записку о древней и новой России» многие исследователи рассматривают как наиболее полный и разработанный проект русской консервативной мысли первой четверти XIX века [11, с. 498]. Именно поэтому

мы возьмем этот текст за основу при рассмотрении раннего этапа развития отечественной консервативной традиции.

Наложение буквы знаменитого «Кодекса», разработанного Наполеоном для Франции, пережившей буржуазную революцию, на условия России начала XIX века, представлялось Карамзину верхом абсурда. Именно такое абсурдное смешение он и увидел в реформационных потугах Сперанского. В знаменитой «Записке» автор указывал: «Уже в Манифесте объявлено, что первая часть законов готова, что немедленно готовы будут и следующие. В самом деле, издаются две книжки под именем проекта Уложения. Что же находим?.. Перевод Наполеонова Кодекса» [6, с. 90].

Современный исследователь, оценивая планы Сперанского, пишет, что он «готовил тихую буржуазно-бюрократическую революцию в России» [10, с. 120]. Все это дается в исключительно положительном контексте. Вместе с тем, простой здравый смысл говорит нам об абсурдном, если прямо не вредительском характере устройства таких революций буквально накануне наполеоновского нашествия. Если бы это нашествие застало бы русское общество в хаосе «буржуазно-бюрократической революции», то последствия были бы самыми печальными.

Вернемся, однако, к Карамзину. Критика «прожектов» Сперанского неоднократно аукнется ему. Многочисленные исследователи либерального толка второй половины XIX — начала XX века вылили на великого историка ушатy грязи, его обвиняли во всех смертных грехах. Между тем, резон в его критике был, да еще какой. Вот как характеризовал воззрения автора «Записки» Ю. М. Лотман:

Карамзин более, чем кто-либо из современников его, был человеком европейского просвещения. Обвинения в галломании преследователи его всю жизнь. Но именно Карамзин первым заметил, что прививка европейской администрации к русскому самодержавию порождает раковую опухоль бюрократизма. Вся реформаторская деятельность Александра I сводилась к мечтам о всеобщем благоустройстве и практической его бюрократизации. Именно эта — на самом деле любимейшая для императора — сторона государственных преобразований встретила в Карамзине непримиримого критика [9, с. 593].

Можно сказать, что с тех пор не было у российской бюрократии более последовательных и глубоких критиков, чем представители консервативной мысли. Критика бюрократизма, которая пройдет красной линией через всю историю русского консерватизма XIX — начала XX века. Не случайно, что деятельность Сперанского и последствия его реформ будут вызывать отторжение не только у Н. М. Карамзина и Ф. В. Ростопчина, но также у И. С. Аксакова и В. В. Розанова. Нельзя, впрочем, забывать, что во времена фавора Сперанского Карамзин не был с ним лично знаком. Разница в их положении была достаточно велика — правая рука самодержца, с одной стороны, и частное лицо, с другой. Интересно, что в 1810 году у Александра I возникла идея назначить Карамзина министром народного просвещения, но именно Сперанский убедил императора этого не делать. Вместо этого он рекомендовал царю назначить Карамзина куратором Московского университета, но от этой должности историограф

сам отказался. В дальнейшем, после возвращения опального реформатора из ссылки, между двумя выдающимися современниками установились достаточно хорошие личные отношения. Но, по вполне понятным причинам, особой близости у Карамзина и Сперанского не возникло.

Критика великим историком реформ, предпринятых Александром I и его окружением, звучит необычайно актуально, кажется написанной на злобу дня. И это несмотря на то, что «Записка» увидела свет два века назад. Действительно, многие тенденции, лишь намечавшиеся в те годы, развертывались и продолжают развертываться в деятельности властных структур России на протяжении всего этого периода. Если рассмотреть отечественную историю двух последних столетий, то перед нами будет история безудержного увеличения и усиления бюрократических структур как количественное, так и качественное. И это несмотря на все революции и реформы, а часто именно благодаря этим радикальным переворотам социально-политической жизни России.

Впрочем, в интересующую нас эпоху на повестке дня были другие события. Начавшаяся в 1812 году Отечественная война стала звездным часом для двух из рассматриваемых нами деятелей — А. С. Шишкова и Ф. В. Ростопчина. Показательно, что и либеральные историки XIX — начала XX века, и советские исследователи, и даже некоторые современные авторы весьма тенденциозно оценивали государственное руководство России этого периода. При чем тенденция эта имела ярко выраженный негативный характер. Вот как характеризует сложившуюся в начале 1812 года ситуацию один из этих авторов: «С уходом Сперанского Александр оказался окруженным ничтожными людьми, но с огромными личными амбициями и корыстными интересами» [18, с. 122]. И это пишется о людях, во многом благодаря усилиям которых за полгода была уничтожена «Великая армия» (Grande Armée) Наполеона, а созданная им Империя начала обратный отсчет своего существования.

Шишков занял пост государственного секретаря, освободившийся после опалы Сперанского. Именно перу нового государственного секретаря принадлежали официальные манифесты, выходившие в это время. Ростопчин был назначен Московским генерал-губернатором, ему также был присвоен титул Московского главнокомандующего. Любопытно, что в письме к императору от 11 июня 1812 года Ростопчин сформулировал принципы русской геостратегии в начинающемся противостоянии с силами практически всей континентальной Европы:

Ваша империя имеет двух могущественных защитников в ее обширности и климате. Шестнадцать миллионов людей исповедуют одну веру, говорят на родном языке, их не коснулась бритва, и бороды будут оплотом России. Кровь, пролитая солдатами, породит им на смену героев, и даже если бы несчастные обстоятельства вынудили Вас решиться на отступление перед победоносным врагом, и в этом случае император России всегда будет грозен в Москве, страшен в Казани и непобедим в Тобольске [16, с. 527].

Необходимо сказать, что данные мысли произвели сильное влияние на Александра I, который даже в самые трудные дни войны отказывался от любых попыток компромисса с Наполеоном.

На посту генерал-губернатора Ростопчин совершил свое самое знаменитое деяние — поджог Москвы. Так, во всяком случае, считали современники, включая сюда и императора Франции, объявившего Московского генерал-губернатора своим личным врагом. После разгрома Наполеона Ростопчин превратился в знаменитость европейского масштаба — он был желанным гостем монархов и парижских аристократических салонов. Неожиданно он написал брошюру «Правда о пожаре Москвы» (1823), опубликованную в России и во Франции. В ней Ростопчин отрекся от участия в этом поджоге, чем поставил в недоумение не только современников, но и потомков. Споры о степени причастности генерал-губернатора к пожару во вверенном ему городе идут до сих пор. Интересные соображения, что же заставило Ростопчина отказаться от славы поджигателя Москвы, мы находим в мемуарах его внучки [17, с. 280–281].

По окончании наполеоновских войн наших судьбы у наших героев оказались разные. Возвращение в 1814 году Александра I из заграничного подхода было ознаменовано отставкой консерваторов со своих постов. Были уволены А. С. Шишков, Ф. В. Ростопчин, а также И. И. Дмитриев (близкий друг и сподвижник Н. М. Карамзина), занимавший пост министра юстиции. За прежние заслуги они были назначены членами Государственного Совета, но их влияние на реальную политическую жизнь резко снизилось. Ростопчин большую часть оставшейся жизни провел за границей, где его приветствовали как одного из главных победителей Наполеона. Принять у себя бывшего главнокомандующего Москвы почитали за честь короли Англии, Франции и Пруссии.

Карамзина ждал триумф в качестве автора «Истории государства Российского», хотя многие либералы, включая в их число и будущих декабристов, были недовольны схемой апологетики самодержавной власти, которая легла в основу этого произведения. Символично, что Ростопчин и Карамзин успели стать свидетелями декабрьского мятежа, а первый из них, известнейший остро слов, дажеотреагировал на него знаменитым афоризмом: «В эпоху Французской революции сапожники и тряпичники хотели сделаться графами и князьями; у нас графы и князья хотели сделаться тряпичниками и сапожниками» [2, с. 336].

Адмирал Шишков пережил своих единомышленников по консервативному лагерю на полтора десятилетия и его ждал очередной карьерный виток. Еще в 1813 году Шишков стал президентом Российской Академии и занимал этот пост до самой смерти. А с 1824 по 1828 год он был министром народного просвещения и главой цензурного ведомства. Во «Втором послании цензору» (1824) Пушкин писал:

Обдумав наконец намеренья благие, // Министра честного наш добрый царь избрал, // Шишков наук уже правленью восприял. // Сей старец дорог нам: друг чести, друг народа, // Он славен славою двенадцатого года // Один в толпе вельмож он русских муз любил, // Их, незамеченных, созвал, соединил // Осиротелого венца Екатерины // От хлада наших дней укрыл он лавр единый» [14, с. 198–199].

Весьма показательно, что строки эти при жизни великого поэта напечатаны не были и, как представляется, они выражали искреннее отношение поэта к новому министру.

Теперь можно сосредоточиться на содержательной стороне концепций первых русских консерваторов. Вспомним, что архетипическая формула отечественного консерватизма будет озвучена лишь на втором этапе развития интересующего нас течения. Речь идет о знаменитой формуле графа С. С. Уварова — «Православие, самодержавие, народность». Тем не менее, все эти составляющие находились в горизонте теоретических и практических интересов А. С. Шишкова, Ф. В. Ростопчина и Н. М. Карамзина. Хотя, сразу следует оговориться, степень очевидности этих начал для представителей первого поколения русских консерваторов была разной.

Пожалуй, наиболее ясным и непротиворечивым было отношение интересующих нас авторов к самодержавию (это, кстати, будет относиться и к консерваторам «уваровского» этапа). Несмотря на все нюансы, они были убежденными сторонниками самодержавной власти, что будет характерно и для всех русских консерваторов XIX — начала XX века. Для А. С. Шишкова и Ф. В. Ростопчина альтернатив в этом вопросе не было изначально. Путь автора «Истории государства Российского» был более тернист, но следует признать, что итог этого пути совпал с изначальными воззрениями его сотоварищей по консервативному лагерю.

Если и можно говорить, что в душе Карамзин был когда-то республиканцем и даже уважительно относился к Робеспьеру, то в зрелые годы он стал убежденным сторонником самодержавия. Нельзя, впрочем, забывать, что слова «республика» и «республиканец» в России начала XIX века имели не только и даже не столько политические, сколько этические коннотации. В «Записке» автор указывал, что

...в России государь есть живой закон: добрых милует, злых казнит, и любовь первых приобретает страхом последних. Не бояться государя — не бояться и закона! В монархе российском соединяются все власти: наше правление есть отеческое, патриархальное. Отец семейства судит и наказывает без протокола — так и монарх в иных случаях должен необходимо действовать по единой совести [6, с. 102].

Мысль о патриархальном характере самодержавной монархии в дальнейшем будет воспроизводиться русскими мыслителями самых разных направлений — от П. Я. Чаадаева до Н. Ф. Федорова.

Надо, впрочем, понимать, что самодержец Всероссийский имел очень серьезные ограничения своей власти. Например, он ни при каких обстоятельствах не мог поменять своей религии — разительное отличие от представителей европейского абсолютизма, которые в эпоху Реформации делали это с большой легкостью. Вспомним хотя бы английского короля Генриха VIII или короля французского — Генриха IV. Основатель династии Бурбонов, как известно, делал это несколько раз — в последний раз со словами: «Париж стоит обедни». Единственный русский самодержец, который совершил вероотступничество, Лжедмитрий («тайный католик», по определению Карамзина), был убит, как об этом стало известно его подданными — констатирует автор «Записки».

Были и другие ограничения, которые ставили границы самодержавной власти. Увещевая Александра I, задумавшего после Венского конгресса восстановить Польшу в границах 1772 года, Карамзин писал в записке «Мнение

русского гражданина» (1819): «Доселе нашим государственным правилом было: ни пяди, ни врагу, ни другу! Наполеон мог завоевать Россию; но Вы, хотя и Самодержец, не могли договором уступить ему ни одной хижины Русской. Таков наш характер и дух государственный» [8]. Кроме того, восстановление Польской государственности, указывал автор «Мнения русского гражданина», ставило под сильный удар отношения с двумя соседними державами — Пруссией и Австрией, которые имели для Российской империи исключительное значение.

Испытывая вполне обоснованное недоверие к конституционному зуду, характерному для политической деятельности Александра I (от деятельности «Комитета общественного спасения» до учреждения Царства Польского), Карамзин вовсе не был апологетом существующего порядка вещей. Он призывал власть к разумному реформированию, считая приоритетами совершенствование законодательства и более широкое распространение светского образования. Но при всех этих условиях, великий историограф выводит своеобразную формулу русского консерватизма, которая затем станет идейной основой «Истории государства Российского». Вот эта формула: «Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спаслась мудрым самодержавием» [6, с. 22]. Отсюда понятно, что любые попытки законодательного ограничения самодержавия (Василий Шуйский, планы «верховников» в 1730 году, реформаторская деятельность Сперанского) воспринимались Карамзиным резко негативно. В этом с ним будут солидарны последующие поколения русских консерваторов.

Отношение к православию у отцов-основателей отечественного консерватизма было далеко не таким единым, как отношение к самодержавию. Исследователи считают, что менее всех их в приверженности к религии был замечен Ф. В. Ростопчин. В молодости, получив доступ к приобретенным Екатериной II рукописям Вольтера, он с интересом изучал их и даже делал списки произведений знаменитого вольнодумца. Но соображения метафизического характера Ростопчина занимали мало. Личная вера, впрочем, в данном случае должна быть вынесена за скобки. Если брать идеологический аспект, то верность «отеческой вере» сам Ростопчин рассматривал как важнейшую характеристику русского человека. С этим связан и самый, пожалуй, драматический эпизод личной жизни Федора Васильевича. Переход его жены и особенно двух дочерей в католичество, стал ударом, подкосившим жизненные силы выдающегося государственного деятеля и писателя.

Религиозные воззрения Карамзина могут быть охарактеризованы как деистические. В отличие от Ростопчина, Карамзин не мог не задаваться метафизическими вопросами, но решал он их скорее в философском, чем в религиозном ключе. Здесь конечно проявлялась глубинная включенность великого историографа в традицию европейского Просвещения, которая, несмотря на его негативное отношение к эксцессам Французской революции, во многом сформировала тип мышления и самой личности Карамзина. Из мыслителей этой эпохи, помимо очевидного влияния Руссо, на русского мыслителя оказал сильное воздействие еще один великий деист — Монтескье, чьи работы он в эти годы настойчиво рекомендовал князю П. А. Вяземскому.

Тем не менее, положение церкви в современной ему России не могло не беспокоить Карамзина. В «Записке» он указывал: «Со времен Петра упало духовенство в России. Первосвященители наши уже только были угодниками царей и на кафедрах языком библейским произносили им слова похвальные». Осуждая установившейся с петровских времен способ управления церковью, Карамзин писал, что

...власть духовная должна иметь особенный круг действия вне гражданской власти, но действовать в тесном союзе с нею. Говорю о законе, о праве. Умный монарх в делах государственной пользы всегда найдет способ согласить волю митрополита, или патриарха, с волею верховною; но лучше, если сие согласие имеет вид свободы и внутреннего убеждения, а не всеподданнической покорности [6, с. 36].

Отношение к православию А. С. Шишкова носило иной характер, чем у двух других столпов русского консерватизма. Его, конечно, трудно упрекнуть в вольтерьянстве, не был он подвержен и деистическим веяниям, вполне довольствуясь православной догматикой. Здесь, впрочем, был один нюанс — лингвистический. Шишковское благочестие было неразрывно связано с пиететом по отношению к церковнославянскому языку. Вспомним, что сам русский язык он рассматривал как наречие церковнославянского. Учитывая этот аспект, исследователи утверждают, что понятие языка у Шишкова является синонимом понятия «культура». В этой связи уместны параллели с культурно-философскими концепциями конца XVIII — начала XIX века (Гердер, В. фон Гумбольдт, Ф Шлегель и др.).

Кроме того, нельзя забывать и активную роль Шишкова в восстании против Библейского общества и окружавших Александра I мистиков-сектантов. Наряду с архимандритом Фотием (Спаским) и А. А. Аракчеевым, он внес значительный вклад в прекращении деятельности этого общества на территории Российской империи. В частности, именно Шишков подготовил разбор книги известного деятеля Библейского общества пастора Госснера «Евангелие от Матфея». В нем содержалась следующая характеристика книги:

Невозможно не признать цели ее, явно и очевидно состоящей в том, чтобы под видом толкования Евангельских текстов, проповедать низвержение всякой Христианской веры, отвращение от Священных Писаний, и позыв на восстание против всех Первосвященников, всех вольных и царей [11, с. 339].

Но были в позиции Шишкова нюансы, которые заслуживают особого рассмотрения. Во-первых, он был яростным противником русского перевода Библии, что, несомненно, обусловлено его лингвистической теорией. Это, на взгляд адепта церковнославянского языка, стало бы смешением жанров, переложением божественного языка на язык «театра». Во-вторых, Шишков категорически возражал против массовых изданий библейских текстов. Евангелие, распространенное среди простолюдинов, подверглось бы профанации: было бы «измарано, изодрано, валялось под лавками». Кроме того, широкое распространение текстов Священного Писания неизбежно породит ереси и расколы. Наконец, то обстоятельство вынужден отметить и автор апологетической работы, посвященной знаменитому адмиралу, обе жены «славенофила» были

не только иностранками, но и принадлежали к неправославным конфессиям. Его первая жена, датчанка по происхождению, исповедовала лютеранство, а вторая — полька и, естественно, католичка. Языком бытового общения в этих условиях был ненавистный адмиралу французский [12, с. 278].

Несмотря на все эти различия, в восприятии социальной роли религии все интересующие нас представители консерватизма сходились. Нельзя ограничиваться только совершенствованием государственного аппарата, необходимо также охранять (или совершенствовать) народную нравственность. В этом деле важную роль консерваторы уделяли духовенству. Весьма показательна в этом отношении «Записка» Карамзина, где ее автор предлагает ряд мер по повышению образовательного и социального уровня этого важнейшего для Российской империи сословия.

Перейдем к третьей составляющей формулы С. С. Уварова — народности. Здесь, конечно, мы столкнемся с наибольшими проблемами, как, впрочем, сталкивались с ними и герои нашей статьи. Тема нации и национальной традиции была поставлена на повестку дня Великой французской революцией и романтическим движением. Французские и немецкие влияния явственно ощущаются и в произведениях интересующих нас авторов. Исследователи до сих пор спорят, какие из этих влияний были сильнее. Одни (В. М. Живов) отдают предпочтение французским источникам, другие — немецким (А. Л. Зорин). Считается, что в знаменитом споре сторонников «старого» и «нового слога», первые ориентировались на немецкую языковую модель, а вторые — на французскую. Нам представляется, что эти влияния сложным образом переплетались, но более существенно при формировании консервативного дискурса подчеркивать специфику российской ситуации.

В неимоверно трудных испытаниях Отечественной войны русский народ оказался на высоте — констатировали все консерваторы. Наиболее рельефно эту мысль в «Записках о 1812 году» выразил Ростопчин:

Вот что делает русского человека надеющимся на Бога, верным своему государю, равнодушным к смерти и безгранично предприимчивым. Его усердие, мужество и верность обнаружилось во всем блеске в продолжение 1812 г. Он действовал по собственному побуждению, руководствуясь собственным инстинктом. Древняя история представляет мало примеров подобной преданности и подобных жертв; а история нашего времени вовсе их не представляет [16, с. 236].

Это подкрепляло высказанную еще в первой из ростопчинских афиш 1812 года характеристику русских людей: «одному Богу служат, одним крестом молятся. Все братья родные» [16, с. 149]. А. Ю. Минаков даже видит в этих словах буквальное предварение формулы С. С. Уварова. Духовное и физическое родство — важнейшая составляющая национального единства. Если дело всегда будет обстоять так, как это было в 1812 году, то русский народ непобедим. Дело, однако, заключается в том, что есть ряд факторов, которые могут внести и вносят раскол в это единство. Посмотрим, как эти факторы осмыслились первым поколением русских консерваторов.

Мы уже отмечали то обстоятельство, что важным фактором, повлиявшим на интеллектуальные построения русских консерваторов, было отношение

к петровским преобразованиям. В уже упомянутой «Записке», по-своему развивая критику в духе Ж.-Ж. Руссо и своеобразно предвосхищая будущие социально-философские построения славянофилов, Н. М. Карамзин так характеризовал итоги деятельности Петра I: «Мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России. Виною Петр». И далее следует главный упрек: «Он велик без сомнения; но еще мог бы возвеличиться гораздо более, когда бы нашел способ просветить ум россиян без вреда для их гражданских добродетелей» [6, с. 35].

Впрочем, «Записка» — пик критического отношения Карамзина к фигуре великого реформатора. В «Речи, произнесенной на торжественном собрании Императорской Российской Академии 5 декабря 1818 года» историограф в очередной раз корректирует свою позицию. «Петр Великий, могущею рукою своею преобразив отечество, сделал нас подобными другим европейцам. Жалобы бесполезны» [7, с. 238]. Необратимость петровских реформ для Карамзина — аксиома. Это притом, что своей «Историей государства Российского» Карамзин, больше чем кто-либо другой, способствовал открытию читающей публикой реальности допетровской Руси.

Мысль Карамзина предвосхищает восприятие петровских преобразований на разных стадиях развития русской культуры: от безоговорочного приятия в «Письмах русского путешественника» и близких к ним по времени работах (эквивалент отношения к ним российского общества XVIII столетия), через весьма резкую критику в «Записке» (различные течения общественной мысли первой половины XIX века — некоторые консерваторы, славянофилы) — к признанию необходимости и неотвратимости свершившихся изменений («почвенники», русская историография второй половины XIX века).

Для рассматриваемой эпохи социокультурные последствия петровских преобразований стали очевидны. Между дворянством и прочими сословиями Российской империи обозначились различия принципиального характера. Очень ярко эти различия выявились во время Пугачевского восстания: «Весь черный народ был за Пугачева. Духовенство ему доброжелательствовало, не только попы и монахи, но и архимандриты и архиереи. Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства» [15, с. 254]. Наши герои не могли этого не знать и в условиях опасности новых потрясений, вызванных событиями во Франции — сначала гипотетических, а в условиях вторжения армии Наполеона в России и весьма реальных, они настойчиво были заняты поисками противоядия от этих потрясений.

В то же время они не хотели отказываться от тех преимуществ, которые дворянство получило в результате петровских реформ или, переводя на общеевропейский язык, от приобщения к Просвещению. Консерваторы всячески подчеркивали роль дворянства в государственной и шире — социокультурной системе Российской империи. На это указывал и Ф. В. Ростопчин в «Мыслях вслух на Красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырева» (1807), и А. С. Шишков в «Рассуждении о любви к Отечеству, читанном в 1812 году в беседе любителей русского слова», и Н. М. Карамзин в «Записке о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях». В дальнейшем эта тема рефреном пройдет

через всю отечественную консервативную мысль XIX столетия — вплоть до А. Д. Пазухина и К. Н. Леонтьева.

Таким образом, сословная проблематика занимала важное место в концепциях русских консерваторов. Ситуация сохраняла свою актуальность и в начале XX века. Более того, как замечает Т. А. Егерева, либеральные историографы этой эпохи, чьи работы до сегодняшнего дня не утратили своего влияния, видели в консерваторах интересующей нас эпохи

...подчас не исторических деятелей ушедшей в прошлое эпохи, а «живых» представителей враждебного лагеря, позицию которых она опровергала со всей страстью политического спора (особенно это было свойственно А. А. Кизеветтеру, П. Н. Милюкову и С. П. Мельгунову) [3, с. 16].

Еще раньше в подобном ключе интерпретировал идеи и деятельность первых консерваторов А. Н. Пыпин — известный историк либерального толка.

Не могли консервативные мыслители не оставить без внимания и сферу просвещения. Негативным последствием петровских реформ, считали консерваторы, стало доминирование иностранным воспитателей и учителей в этой сфере. В понимании этой ситуации сходились все интересующие нас авторы. О нашествии французских воспитателей, особенно после начала революционной смуты, писал в «Мыслях вслух на Красном крыльце» Ростопчин.

Приедет француз с виселицы, все его наперехват, а он еще ломается, говорит: либо принц, либо богач, за верность и веру и пострадал; а он, собака, холоп, либо купчишка, либо подъячий, либо поп-расстрига от страха убежал из своей земли. Поманерится недели две да и пустится либо в торг, либо в воспитание, а иной и грамоте-то плохо знает [16, с. 420–421].

Впрочем, указывали русские консерваторы, не только современные события привели к подобному положению вещей. Они находили и более глубокие корни кризисной ситуации. Обращаясь к вдовствующей императрице Марии Федоровне, А. С. Шишков писал:

Он (Петр I. — А. К.) ввел науки и просвещение, но не взял осторожности не допустить вместе с ними войти духу унижения. Отселе есть у нас науки, но нет их корня; есть просвещение, но не собственное свое, а потому не позволяющее быть нам самими нами: мы почитаем себя как бы творением рук чуждых народов, отселе начало нравственного нашего рабства, от которого мы, при всей силе и торжестве оружия, освободиться не можем [13, с. 511].

Сходные жалобы мы можем обнаружить и в дошедших до нас письмах Ф. В. Ростопчина, и даже у Н. М. Карамзина.

Отсюда стремление преодолеть эту ситуацию. У А. С. Шишкова оно было связано с обращением к языку, как основе национального бытия. В. М. Живов, рассматривая специфику подхода к определению национального характера у Н. М. Карамзина, которая в дальнейшем реализовалась в формуле С. С. Уварова, исключает из его характеристики такие составляющие, как раса и язык. Последние компоненты, указывает исследователь, ставились во главу угла немецким теоретиком национализма — Ф. Шлегелем, но не Ж.-Ж. Руссо. Дан-

ное обстоятельство исследователь обосновывал тем, что французы и русские в рассматриваемый период давно уже имели свои национальные государства, в то время как немцам такое государство еще предстояло создать [4]. Весьма вероятно, что это замечание справедливо относительно Карамзина, но никак не в отношении адмирала Шишкова, чьи лингвистические штудии, как мы уже отмечали, имели прямое отношение к формирующемуся консервативному дискурсу. А. Ю. Минаков даже объявляет знаменитое «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» (1803) первым манифестом русского консервативного национализма [11, с. 494–495]. Не случайно, что в качестве источников патриотизма Шишков называл православную веру, правильное воспитание и русский язык.

Оппоненты Шишкова из числа адептов «нового слога» исходили из того, что изменение языка влечет за собой новое социальное содержание. Западные ораторы, утверждал один из наиболее последовательных сторонников «нового слога» П. И. Макаров, обращались к своей аудитории на общепонятном языке, а языком Ломоносова говорить перед публикой нельзя. Этот аргумент интересен, но в данном конкретном случае неубедителен. Выше мы уже говорили, что именно Шишков стал автором манифестов, с которыми власть обращалась к народу во время войн с Наполеоном. За 1812–1814 годы он написал более 80 манифестов, приказов и рескриптов, что дало основание современникам назвать его «устаи монаршими». Их мощное воздействие признавали даже оппоненты адмирала по литературным спорам (например, П. А. Вяземский). Язык этих манифестов был так убедителен и производил такое впечатление, что будет постоянно воспроизводиться на протяжении оставшегося столетия русского самодержавия.

Показательно, что полемика между Шишковым и Карамзиным завершилась их примирением. Вождь «Беседы», ознакомившись с первыми томами «Истории государства Российского», в которых широко использовались славянизмы, остался удовлетворен их языком. Между двумя видными консерваторами, которые раньше не были знакомы, возникли и личные контакты. Им содействовал еще один видный консерватор — Г. Р. Державин (см. его письмо к А. С. Шишкову от 12 февраля 1816 года). Итогом этого стало избрание Карамзина действительным членом Российской Академии. Это произошло на торжественном заседании Российской Академии 10 июля 1818 года, что стало знаковым событием первого этапа развития русской консервативной мысли.

Любопытно, что одной из форм противостояния французскому влиянию («космополитическому») в конце XVIII — начале XIX века могло выступать англофильство. Н. М. Карамзин и Ф. В. Ростопчин в молодости посетили «туманный Альбион», для них был характерен значительный интерес и даже симпатии к культурным обычаям этой страны. Карамзин передал свои впечатления в «Письмах русского путешественника». А вот какие интересные подробности посещения Ростопчиным Англии в 1787 году оставил нам Е. Ф. Комаровский:

Из наших русских я более всех виделся с графом Ростопчиным; мы с ним вместе ходили смотреть битву петухов, ученого гуся и ездили за несколько лишь от Лондона верст смотреть кулачных бойцов, знаменитых в тогдaшнее время: Жаксона англичанина и Рейна ирландца. <...> Когда из газет известно стало, что

Рейн совершенно выздоровел, Ростопчину вздумалось брать у него уроки; он нашел, что битва на кулаках такая же наука, как и бой на рапирах [5, с. 19].

Понятно, что бокс привлек будущего генерал-губернатора Москвы в качестве английской национальной забавы, противостоящей французскому («космополитическому») влиянию. В дальнейшем Ростопчина связывали дружеские отношения и многолетняя переписка с С. Р. Воронцовым — русским послом в Лондоне и убежденным англофилом. Но, как замечает В. М. Живов, особого интереса к специфике английского национального характера в произведениях Ростопчина мы не обнаруживаем, в то время как национальным характерам французов и немцев он посвятил весьма запоминающиеся страницы своих произведений. Это, вероятно, связано с пониманием исключительности английской ситуации, невозможности адекватного перенесения ее обычаев на русскую почву

В этом же ключе можно рассматривать и увлечение А. С. Шишкова итальянской культурой, которую он явно предпочитал французской. Основоположник «Беседы» был полиглотом — помимо французского и итальянского, он прекрасно знал немецкий и английский языки, а также древнегреческий и латынь. Адмирал не только сам делал переводы с итальянского, но и поощрял к этой деятельности современников. Нелишним будет отметить, что своеобразный культ итальянского языка и литературы мы в дальнейшем обнаружим в кружке С. Е. Раича, из которого вышли такие выдающиеся деятели русской культуры (и, заметим, последовательные консерваторы), как Ф. И. Тютчев и С. П. Шевырев.

Подводя итоги, можно сказать, что рассматриваемые нами авторы внесли значительный вклад и в разработку концептуальной составляющей отечественного консерватизма, и в русскую культуру в целом. Более того, именно деятели консервативного направления сыграли исключительную роль в идеологическом и организационном противостоянии наполеоновскому нашествию. Они явно отдавали себе отчет в этом и, как указывает современная исследовательница, «большую роль в самосознании Шишкова, как Карамзина с Ростопчиным, играло чувство причастности к истории, осознание своего вклада в “общее благо” страны» [3, с. 213]. В дальнейшем их наработки будут творчески развиваться последующими поколениями русских консерваторов. Считается, что принципы, сформулированные Н. М. Карамзиным, легли в основу политики Николая I, которая отличалась от политики его предшественника несравненно большей последовательностью и предсказуемостью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С. С. «Но ты, священная свобода...». Отзвуки Великой французской революции в русской культуре // Новый мир. — 1989. № 7. — С. 185–187.
2. Вяземский П. А. Характеристические заметки и воспоминания о графе Ростопчине // Вяземский П. А. Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки. — М.: Правда, 1988. — С. 327–340.
3. Егерова Т. А. Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII — первой четверти XIX вв. — М.: Новый Хронограф, 2014.

4. Живов В. М. Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности // <http://www.polit.ru/2008/08/08/givov/>
5. Записки графа Е. Ф. Комаровского / авт. пред. Е. А. Ляцкий. — М.: Внешторгиздат, 1990.
6. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. — М.: Наука, 1991.
7. Карамзин Н. М. Избранные сочинения. В 2-х т. — М.-Л.: Художественная литература, 1964.
8. Карамзин Н. М. Мнение русского гражданина // http://dugward.ru/library/karamzin_mnenie_russkogo_grajdanina.html
9. Лотман Ю. М. Карамзин. — СПб.: Искусство-СПб., 1997.
10. Ляшенко Л. М. Александр I: Самодержавный республиканец. — М.: Молодая гвардия, 2014.
11. Минаков А. Ю. Русская партия в первой четверти XIX века / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2013.
12. Овчинников Н. В. Вдохновитель побед русского оружия. — М.: ООО «Луч», 2012.
13. Письмо вице-адмирала Шишкова к императрице Марии Федоровне 26 мая 1816 // Русская старина. — 1870. — Т. 1.
14. Пушкин А. С. ПСС. Т. II. — Л.: Наука, 1977. — С. 198–199.
15. Пушкин А. С. ПСС. Т. VIII. — Л.: Наука, 1978. — С. 249–254.
16. Ростопчин Ф. В. Мысли вслух на Красном крыльце / сост., пред., пер. с франц., прим. А. О. Мещеряковой / отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2014.
17. Ростопчина Л., гр. Семейная хроника (1812 г.). — М. б. и., [1912].
18. Федоров В. А. М. М. Сперанский и А. А. Аракчеев. — М.: Изд-во МГУ, 1997.